

Выставка картинъ А. Рыбникова

Въ самыи концы выставочного сезона, въ тусклой и блеклосветлой деревне можетъ выставка, бояла, казаюсь, что и ждать нечего, да и ждать устали—можетъ обрадовать маленький, но серъезный и втуманный уголокъ живописной культуры на выставкѣ А. Рыбникова.

Можетъ быть, свою культуру слишкомъ велико для работы А. Рыбникова, можетъ быть, дилетантизмъ художника слишкомъ тому противоречитъ, но пронумерованность живописныхъ заданийъ, осмысленность художественныхъ плановъ, искреннее стремление къ серъезной работе—все это класть на работы Рыбникова какъ-то отпрятать отъ реческаго волненія, и съ выставки уходить какъ-то глубоко примирившись.

И это свойствѣ, эта пронумерованность художника ромпается не отъ сознанія, что передъ вами большой живописецъ, не отъ тѣхъ, что вы увидѣли воплощеннымъ стремленія мастера, о нѣть, совсѣмъ, совсѣмъ во иныхъ мотивахъ.

Думай, что Рыбниковъ и вѣнчанический мастеръ, и не своеобразный гаманецъ, и не пророкъ нового, и не юноша открытий,—онъ во-просту вѣтхий работникъ, изгнанный скромными, воспитанными шлагомъ, но вѣрной и большой дорогой.

Въ его творчествѣ преодоляются разнобразные ячи, но всѣ они отъ большихъ и вѣчныхъ солнцъ, свѣтящихъ въ живописномъ мірѣ.

Здѣсь сходятся истоки иконописи съ могучими и сиротливыми мастерствами; засыпать и разуть цветные kostюмы выродныхъ лубковъ; созидають форму премчеги—принципы сезона; строить композицію изъ основныхъ начальствъ влѣснѣговъ—члены Пикассо; поглощать вникать и чувствовать всѣцъ—приемы кубизма; и все облагораживается и уравновѣшивается художественнымъ вкусомъ и чуткимъ умѣніемъ дозировать отъ франтизованія.

Если сражаться то можетъ быть, пришлось бы привлечь слишкомъ много русскихъ и западныхъ имѣнъ, вѣнчаніе которыхъ коснулось разнообразныхъ работъ Рыбникова, но сравненіе—отрава удоволь-

ствія, какъ сказать кто-то, и нѣсть членомъ духъ здѣмо и незримо вѣтаетъ въ чистъ проюнага—я въ путь вижу членомъ стремленіе художника достичнуть большого и вѣчнаго въ живописи.

Да, можетъ быть, здѣсь и много членъ, и много имѣнъ, но одно имѣ здѣсь отсутствуетъ—это вульгарность.

Н. Тарабунинъ.

ТЕАТРЪ

В. Н. Давыдовъ.

Великое отареваніе Давыдова, членъ московскія гастроли были таки членъ завершительными штрихомъ „богатырского сезона“—не только въ смѣркѣ, но и въ прямомъ, чисто интуитивномъ, чисто идущемъ и натурой питающемся творчества, но и въ проплываніи до конца разработанной, завершенной въ наивысшемъ изрѣзѣ своемъ техники. „Фориа“ и „Душа“—„шисла“ и „вѣтре“—закончилъ въ его мастерствѣ пѣчто глубокое гимническое. Талантъ попетникъ человѣческій, чистъ существо, трогательность, но въдѣлъ въ изысканную сентиментальность, и застѣснѣнъ скрѣться, самъ никогда не впадающій въ пурпурную буффонаду. Обладая исключительной даромъ живого и мягкаго юмора (Раскидѣть въ „Свадьбѣ Кречинскаго“), онъ поднимается на высоту подлинной драмы въ „Нахлѣбникѣ“, созданные образы—членъ и скорбнаго Кузовкина чертами искреннѣе сильныхъ и яркихъ.

Съ легкостью повѣстѣ изумительной, балансируя на грани фарса—въдѣлъ впадать отъ въ ширѣ—Давыдовъ, игралъ „гойчую собину“ Распинова, въ то же время показывавши въ скромной и чистой пиджине человѣческое лицо, чистое достойное сознанія, чѣмъ сеѧніе. Поэтому никогда не переступаешь отъ той грани, отдѣляющей подлинно коллежскіе отъ прѣбо-фарсоваго. Чистота и чистота—членъ и членъ не въдѣлъ въ драмѣ, разнѣтие—продолжатель, поглощенный продолженіемъ—становиться на ходу, въдѣлъ въ ролиъ едва ли не трагичности (уравнѣніе—играть въ Италии трагикъ Номада!), и заставляетъ его лишь уединяться тутъ, какъ